

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ КРЫМА Пределы эффективности и мобилизации

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

Поворот общественного сознания в сторону российской консервативной идеологической эклектики, его кажущаяся стремительность и всеохватность представляются на первый взгляд неожиданными и даже загадочными.

Здесь возникает масса вопросов. Кто является драйвером этого поворота? Кто носитель новой, а на самом деле старой идеологии? Как она формировалась, из каких компонентов, каким авторитетом освящена? Можно ли назвать этот «российский идеологический фьюжн» государственной идеологией? И есть ли выход из архаичной идеологической ловушки, в которой оказалась Россия?

Базовые выводы исследования

- Многие компоненты нынешней идеологии, в том числе в ее пропагандистской ипостаси, во многом обусловлены предыдущим развитием России, идеологией русского национализма, в разные времена по-разному проявлявшей себя, но доминировавшей в политическом дискурсе и в политическом управлении. И в этом смысле теория path-dependence, «эффекта колес», обнаруживающегося в том числе в культурных предписаниях (например, неформальном, коррумпированном способе урегулирования проблем), отчасти описывает причины укорененности некоторых традиционных российских идеологем.
- Идеологический консервативный поворот совершился не за один день. Он готовился исподволь, и социальный контракт, который огрубленно можно назвать «Крым и духовные скрепы в обмен на свободу», лишь стал пиковой точкой изменений, постепенно происходивших в головах россиян. А со стороны государства — и легитимацией таких изменений, когда в общественном сознании стало одобряемо то, на что ранее существовал моральный запрет. Например, одобрение войны, которое, как свидетельствует социология, достигло пика весной 2014 г., но после перехода конфликта в кровавую стадию все-таки существенно уменьшилось.
- Новая идеология основана на архаизации массового сознания, явлении, которое мы назовем «сакрализацией несвободы»: находясь в «осажденной крепости», окруженные извне внешними врагами, а изнутри «пятой колонной», люди начинают испытывать к лидеру «осажденной крепости» что-то вроде стокгольмского синдрома, проникаясь его логикой и отстаивая его интересы, чувствуя себя членами его команды. Поддержка идеологии власти стала способом адаптации к внешним обстоятельствам, конформизм — способом выживания, «духовность» (в том числе в православной ипостаси) — методом оправдания «правильности» своего социального поведения.
- Одновременно система запретов, ужесточение репрессивного законодательства, в том числе уголовного, процессы, имеющие во многом дидактический и предупредительный смысл

ОБ АВТОРЕ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания Газета.Ru, член правления Фонда Егора Гайдара.

ОБРАЩАЙТЕСЬ К

Светлане Туган-Барановской,
менеджеру по связям
с общественностью
STugan@Carnegie.ru
+7 (495) 935 8904

Carnegie.ru

 @CarnegieRu

 facebook.com/
CarnegieMoscowRu

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги, приступивший к работе в 1994 году, служит свободным и открытым форумом для ведущих исследователей, представляющих весь российский политический спектр, их зарубежных коллег и экспертов из других центров Карнеги. Здесь обсуждаются и дебатуются важнейшие проблемы страны, региона и мира.

(в частности, «болотное дело»), резкое осложнение работы демократических СМИ существенно ограничило поле свободного высказывания мнений. Как писал философ Мераб Мамардашвили, «всякая идеология доходит в своем развитии до такой точки, где ее эффективность состоит не в действии того, что она говорит, а что она не дает сказать».

- Идеология — простой для восприятия массовый продукт, легитимируемый постоянным обращением к прошлому, к «славным» традициям и событиям иной раз вымышленной отечественной истории. Да, такая идеология была предложена сверху, но на нее был спрос снизу.
- Тем не менее даже у столь успешной идеологии есть пределы эффективности и мобилизации. Люди голосуют за кошельки. Когда вместо кошелька им предлагают нечто «духовное», такая модель может работать до известных пределов. Снижается мобилизационная энергия и сила как самого социального контракта эпохи высокой нефтяной конъюнктуры («колбаса в обмен на свободу» — а колбаса становится хуже и дороже), так и его идеологического обеспечения в виде эклектичной идеологии российского изоляционизма. «Крымская анестезия» сознания оказалась удивительно эффективной, но в скором времени власти придется предложить что-то новое. Предложение должно будет сформировать спрос. Стратегическая проблема для власти — что именно предложить, учитывая, что «патрон» Крыма уже «отстрелян».
- «Новая старая» российская идеология оказывается в двойной ловушке.

Первая ловушка: идеология оправдывает деинституционализацию, которая шла все последние годы (собственно, и институты-то не успели адекватным образом сформироваться, хотя надо сказать, что в 1990-х и даже в начале 2000-х правительство и парламент были гораздо более работоспособными институтами, чем сейчас). Единственным работающим органом становится даже не сам по себе институт президентства, а собственно глава государства, носитель «ручного управления». В результате эта модель переносится на все уровни социальной системы: поскольку институты не работают, а социальная ткань должна существовать в какой-то внятной рамке, эту рамку задают параллельные институциональные или квазинуституциональные системы. Предприниматели покрупнее решают вопросы в англосаксонской юрисдикции, те, что помельче, обращаются за защитой к локальному «стационарному бандиту», а на национальных окраинах, например в Дагестане, прибегают к шариату как к набору разделяемых ценностей и правил, имеющих более серьезный вес, чем «светские» нормы.

Вторая ловушка: идеология решает сиюминутные, тактические задачи мобилизации и консолидации общественного мнения. У нее нет того, что было, например, у коммунистической идеологии: большой цели, горизонта планирования. Словом, образа будущего. Идеология же, обращенная лицом к прошлому и спиной к будущему, не способна предложить нации цель развития. И в этом смысле продолжительность ее действия может оказаться ограниченной.

- Несмотря на консервативный поворот в массовом сознании и непопулярность абстрактно понимаемого «либерализма», у модернизационной идеологии с четким целеполаганием есть будущее. Социология показывает, что при всех патерналистских установках россияне в большинстве своем готовы полагаться только на свои силы, определяя себя как сторонников социальной поддержки со стороны государства при сохранении рыночной экономики. В принципе это простая идеологическая модель, которая может быть прагматизирована на основе формирования образа будущего и подготовки стратегических дорожных карт.

Модернизация начинается тогда, когда стагнация и отставание становятся ненужными для низов и опасными для верхов.

© 2015 Фонд Карнеги за Международный Мир. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.